

01:14

Р.Е. Тард

Роман Тард

01:14

«Автор»

2026

Тард Р. Е.

01:14 / Р. Е. Тард — «Автор», 2026

Ночь на 4 июня 1989 года. Скорый идёт под уклон, в низину под Ашой, где его уже ждёт — невидимое, тяжёлое, разлитое по самой земле. Через полтора часа здесь погибнут пятьсот семьдесят пять человек. Кирилл Ремезов, следователь по авариям, знает об этом всё: минуту взрыва, цепочку роковых решений, имена жертв. Знает — потому что тридцать семь лет разбирал эту катастрофу по бумагам. И потому что этой ночью он снова в ней очутился. Петля бросает его в чужое тело в том самом поезде — круг за кругом. У него есть точное знание, время и сотая попытка. Нет одного — способа заставить хоть кого-нибудь поверить, пока не поздно. Пять запертых дверей, пять чужих правот, из которых складывается одна общая беда. И мальчишка Сашка с верхней полки, который первый раз в жизни едет к морю. Знание может быть абсолютным — и всё равно бессильным. А спасение иногда стоит дороже самой катастрофы. Тёмный техно-триллер о человеке, который знал минуту.

© Тард Р. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Роман Тард

01:14

Глава 1

Обелиск поставили на повороте, там, где насыпь делает пологую дугу и нехотя уходит к Улу-Теляку, и каждый год в одну и ту же ночь я приезжал сюда последним поездом до Аши. Дальше — пешком, по тёмной обочине, к тому часу, ради которого приезжал. Серый камень был расколот книзу на два крыла — будто тот, кто его ставил, хотел сломать пополам, да в последний момент придержал руку. Я каждый раз сначала находил глазами этот разлом и только потом — имена; имена я знал и без камня, но смотреть на них сразу было нельзя, к ним надо было подходить медленно, как подходят к воде, которую боятся. Ночь стояла тёплая и без ветра, и это я отметил отдельно, профессионально, прежде чем успел себя одёрнуть: в ту ночь, тридцать семь лет назад, тоже не было ветра, и в этом было всё дело. Газ, который тогда вытек из трубы и пополз по низине, тяжелее воздуха; в ветер его разнесло бы над лесом — и не было бы ни этого камня, ни длинного списка на нём, ни меня здесь, в темноте, с пакетом гвоздик, которые я держал головками вниз, как держат, когда спешить уже некуда и незачем. Я разбираю аварии. Не предотвращаю, не сигналию заранее, не спасаю — я прихожу после, когда всё уже сгорело и стынет, и моя работа в том, чтобы понять, в каком месте система решила убить людей и почему те, кто стоял в ту минуту у рычагов, ей в этом помогли. У нас это называется аккуратно — человеческий фактор. Будто фактор, а не человек, который в три часа ночи, не выпавшийся, напуганный ответственностью, выбрал из двух кнопок не ту. На третьей плите снизу, четвёртой по счёту слева, стояло: «Ремезова Галина, 10 лет». Сестра моего отца. Ей было десять, она ехала к морю в чужом прицепном вагоне, с пионерским отрядом, и я её не знал — меня тогда ещё не было на свете. Отец о ней не говорил никогда; один раз, крепко выпив на чьих-то поминках, он сказал только: «Галка боялась поездов», — и больше не сказал ничего, ни в тот вечер, ни после, до самой своей смерти. Мстить тут было некому. Я просто стал разбирать аварии. Я присел на корточки и положил гвоздики под её строку. Камень за длинный июньский день нагрелся и теперь отдавал тепло обратно в ночь — ровно, неспешно, как отдаёт всякая тяжёлая вещь, которой некуда торопиться. Это дело в меня вбили намертво, как вбивают таблицу умножения: трещина в трубе; роковая команда поднять подачу, чтобы вернуть стрелку на место, вместо того чтобы искать утечку; облако в низине длиной почти в два километра, которого никто не увидел, потому что увидеть его было нельзя; два поезда, опоздавшие ровно настолько, чтобы сойтись здесь, в самой нижней точке, в одну и ту же минуту. Я мог рассказать это с любого места — и меня будили, и я рассказывал, и от того, что рассказывал гладко, легче не становилось никому, и мне в первую очередь. Я прикрыл глаза. В голове, как всегда на этом месте, сам собой пошёл отсчёт — час четырнадцать, — я знал эту минуту наизусть и ненавидел за то, что знал. Тепло под ладонью вдруг сделалось не каменным. * * * Я открыл глаза от тряски. Не от своей — меня трясло вместе с чем-то большим, ровным, железным. Подо мной была вторая полка, узкая, застеленная влажноватой простыней, и простыня пахла хлоркой и чужим телом. Колёса под полом считали стыки: та-там, та-там. В торце вагона глухо побулькивал титан. Где-то впереди сипел во сне ребёнок. Я сел и ударился затылком о багажную полку. Руки были чужие. Я смотрел на них в синем ночном свете дежурной лампы и не узнавал: они были шире моих, с обкусанным ногтем на большом пальце, с дешёвыми часами на растянутом ремешке. Стрелки показывали без двадцати двенадцать. Я не понимал, чьи это часы и почему они у меня на запястье. Внизу, на боковом столике, лежал билет — картонный, твёрдый, с пробитыми по краю дырочками. Я взял его, и пальцы сделали это сами,

привычно, будто всю жизнь брали именно эту картонку с этого самого столика. Поезд двести одиннадцатый. Новосибирск — Адлер. Вагон восьмой, место сорок три. Я держал билет, и он был настоящий — с типографским заусенцем по краю, с краской, которая в моё время уже не пачкает пальцы. И запах был настоящий: уголь, мокрое железо, чьи-то ноги, спитой чай. Так не пахнет ни один музей, ни одна реконструкция, ни один фильм. Так пахло то, чего давно нет. Расследователь во мне включился раньше человека — он всегда включается первым, это удобно и подло. Он сложил вместе билет, и поезд, идущий на юг, и ночь, и не дожидаясь меня выдал ответ спокойно, как выдают на разборе перед комиссией: ты в двести одиннадцатом. Ночь на четвёртое июня — по Москве ещё треть. Скоро Аша. За Ашой — низина. Человек догнал его на секунду позже. Зубы сами нашли обкусанный ноготь на большом пальце — чужая привычка, которой я не успел помешать. Этот перегон я знал по схемам и выцветшим снимкам из дела; потом обошёл пешком — по новой траве, по чистым шпалам, со складным метром и блокнотом. Я никогда не думал, что увижу его до. Изнутри. С живыми за фанерными перегородками, со спящими детьми на верхних полках, с чаем в подстаканниках. Последнее я не пускал в голову, сколько мог. Чужие пальцы сами стиснули картонку — билет хрустнул. Где-то там, впереди, через несколько вагонов, в прицепном, с пионерским отрядом, ехала сейчас десятилетняя девочка, которой я тридцать семь лет приносил гвоздики. Галина Ремезова. Она была жива. Прямо в эту минуту она дышала, ворочалась на жёсткой полке, ехала к морю. И на всём этом поезде я был единственным, кто знал, что ей оставалось часа полтора. Я заставил себя посмотреть в проход. Вагон спал. На нижних полках темнели взрослые, на верхних, поменьше, — дети. У окна напротив сидел, привалившись виском к стеклу, подросток лет шестнадцати — долговязый, не доросший ещё до собственных рук; рядом, в проходе, стояла спортивная сумка, и из неё торчала обмотанная синей изолентой рукоятка клюшки. Он не спал. Чертил пальцем по запотевшему низу окна и смотрел в черноту. Поймал мой взгляд — не отвёл. — Не спится, дядь? — сказал он тихо, чтобы не будить вагон. — Душно. Сейчас Аша, постоим — продует. Я открыл рот и не нашёл, что ответить. В голове у меня стучала одна цифра, и это было не «без двадцати двенадцать». Это было — час четырнадцать. — Сколько до Аши? — спросил я. Голос вышел чужой, ниже моего. Он пожал плечами. — Минут двадцать. Опоздываем маленько. — И снова отвернулся к стеклу, дочерчивать своё. Минут двадцать до Аши. За Ашой — одиннадцать километров до места, где меня каждый год ждал серый расколотый камень. Я сложил это в уме и получил полтора часа. * * * Я встал. Чужое тело, тяжёлое и непривычное, послушалось сразу — как будто давно ждало кого-то другого. Я пошёл по проходу к голове состава, держась за поручни верхних полок. Дойти до проводника, до бригады, до того, кто способен остановить поезд. И — что сказать? Что часа через полтора в низине за Ашой взорвётся газ, потому что в трубе за тридцать километров отсюда трещина, а дежурный на перекачке поднял подачу? Кто я такой, чтобы это знать. Мужик с верхней полки, без двадцати двенадцать, душно, не спится. В тамбуре было холоднее и громче. Проводница сидела на откидном стуле у служебного купе, в форменном кителе, и под лампой считала пачку постельных квитанций. Немолодая, с тем лицом, какое к ночи делается глуше. — Послушайте, — сказал я. — Мне нужно к машинисту. Это очень важно. Она подняла глаза и смерила меня всего — от чужих часов до босых ног. — Мужчина, ночь на дворе. Какой машинист. Идите ложитесь. — Поезд нельзя пускать за Ашу. Там, под насыпью, газ. Его не видно. Он скопился в низине, и встречный — Газ, — повторила она, и квитанции легли на колени. Она потянула носом — коротко, по-служебному, — и на один вздох в тамбуре стало очень тихо. Потом взгляд съехал на босые ноги. — Ясно. Сколько выпили? — Я не пил. — Все не пили. — Она сгребла квитанции, как будто это я их рассыпал, поднялась и перегородила собой проход — сразу шире и тяжелее, чем сидела. — Идите на место. Разбудите вагон — ссажу в Аше, под протокол. У меня дети едут. Мне ваших разговоров не надо. За её спиной, в окне служебной двери, бежала чёрная стена леса. Где-то там, впереди и правее, в темноте, уже стелилась по низине двухкилометровая полоса

— тяжёлая, почти без запаха, — и встречный двести двенадцатый уже шёл ей навстречу из-под Уфы, опаздывая ровно настолько, насколько было нужно, чтобы всё сошлось. Я смотрел на эту женщину и понимал, что она права. Что я бы и сам не поверил. Что за час чужое доверие не покупается ничем, а доказательств у меня — память, которой здесь, в этой ночи, ещё нет и не будет тридцать семь лет. Поезд качнуло на стрелке. Колёса застучали чаще, мельче. Свет в тамбуре мигнул. — Аша, — сказала проводница уже спокойнее, почти про себя. — Стоянка две минуты. И, не глядя на меня: — Идите. На. Место. На место я не пошёл. Стоп-кран был тут же, над дверью, — рукоятка под пломбой, рукой подать. Я потянулся — и рука встала сама, на цифрах из моего же отчёта. Сорванный кран — это стоянка и разбирательство, а после поезд всё равно уйдёт, с новым опозданием, которого я уже не знаю наизусть. Эту ночь собрали из опозданий, минута к минуте; всё, что у меня было против неё, — её же расписание. И газ в низине никуда не денется, и встречный войдёт в него со своей стороны — с моим краном или без. Пересдать этой ночи карты я мог. Прочитать новую сдачу — нет. Я стоял в тамбуре, вцепившись в холодный поручень, и считал стыки. За окном поплыли первые станционные фонари, редкие, в желтоватых нимбах мошкары, качнулась платформа, кто-то на ней в темноте поднял руку — то ли махал, то ли просто разминал плечо. Две минуты. Спрыгнуть, добежать до дежурного по станции. И сказать — что? То же, что проводнице. У дежурного связь и график, а против графика — босой пассажир с ночного поезда и слово «газ». Пока он дозвонится, пока там решатся остановить движение — если решатся, — двести одиннадцатый уйдёт в низину по своему расписанию, только без меня. Я досчитал до конца и остался у поручня. Дёрнуло, лягнуло по всей длине состава, фонари поползли назад, набирая ход, и снова пошёл лес. Теперь оставалось одиннадцать километров. * * * Колёса. Стыки. Та-там. Я считал их и не мог не считать. Чужие часы на чужой руке. Минутная стрелка подползала к часу — к тем четырнадцати минутам, которые я знал наперёд, до самого их белого конца. Через несколько вагонов отсюда спала Галка. Я мог пройти — тамбуры, двери, сонные проводники. И — что? Разбудить десятилетнюю девочку. Сказать ей — что? Таких слов не было. Ни в отчётах, ни в языке. К ней — или стоять здесь. Я остался. Впереди, в темноте, проступили два световых пятна. Встречный. Они росли. Сначала медленно, потом разом быстро. Прожектор двести двенадцатого — белый, режущий, — а за ним длинная цепочка жёлтых квадратов: окна, люди, дети, юг, море, отпуск, обратная дорога. Стоп-кран был в ладони от меня. Тормозной путь кончался в самой низине. Я смотрел, как сходятся два поезда, и ничего не мог сделать, кроме как смотреть. Воздух в тамбуре переменялся. Не запах даже — давление: что-то сладковатое и тяжёлое легло на язык, на гортань, на самый корень нёба. Я описывал это в отчётах казёнными словами. Я никогда этим не дышал. Где-то под насыпью, в невидимой чаше, лежал газ и ждал искру. Я знал, какую — знал из дела, на память, по выводам комиссии. Я только не знал, откуда она придёт: из-под колеса, из контактного провода, из тормоза. Через несколько секунд это уже не имело значения. Прожектор встречного ударил в окна. * * * Сначала — свет. Белый. Плоский. Без теней. Звук опоздал. Стекло перестало быть стеклом. Поручень перестал быть холодным — руки уже не было. И тамбура. И поезда. И — * * * — Не спится, дядь? Я открыл глаза. Вторая полка. Влажная простыня, хлорка, чужое тело. Подо мной — ровная железная тряска. Та-там, та-там. В торце вагона булькает титан. У окна напротив сидит долговязый мальчишка и чертит пальцем по запотевшему стеклу, и из сумки в проходе торчит обмотанная синей изолентой клюшка. Чужие часы показывали без двадцати двенадцать. — Душно. — Мальчишка не обернулся от окна. Я не мог разжать пальцы. В руке был билет — тот же, картонный, с заусенцем. В первый раз он лежал на столике, и я взял его сам. Теперь он был в руке. Расследователь во мне отметил это сухо, как несовпадение в показаниях. Двести одиннадцатый. Новосибирск — Адлер. Я был жив. Я снова сидел в этой минуте, целый, в чужом теле, и до Аши было минут двадцать, а за Ашой — одиннадцать километров, и эта минута уже была однажды. Я её прожил. Она кончилась белым. Я держал чужой билет чужими пальцами, и разум мой, привыкший

раскладывать любую катастрофу на причины и следствия, на узлы и звенья цепи, впервые за всю мою жизнь не находил ни причины, ни следствия — только эту тёплую душную минуту, без двадцати двенадцать, в которую меня вернуло, как возвращает на исходную сорванная и опущенная стрелка манометра. Мальчишка у окна опять чертил что-то своё по запотевшему стеклу, не зная, что я уже видел однажды, как он это чертит, и знаю, что станет с этим стеклом через полтора часа. И началась опять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.